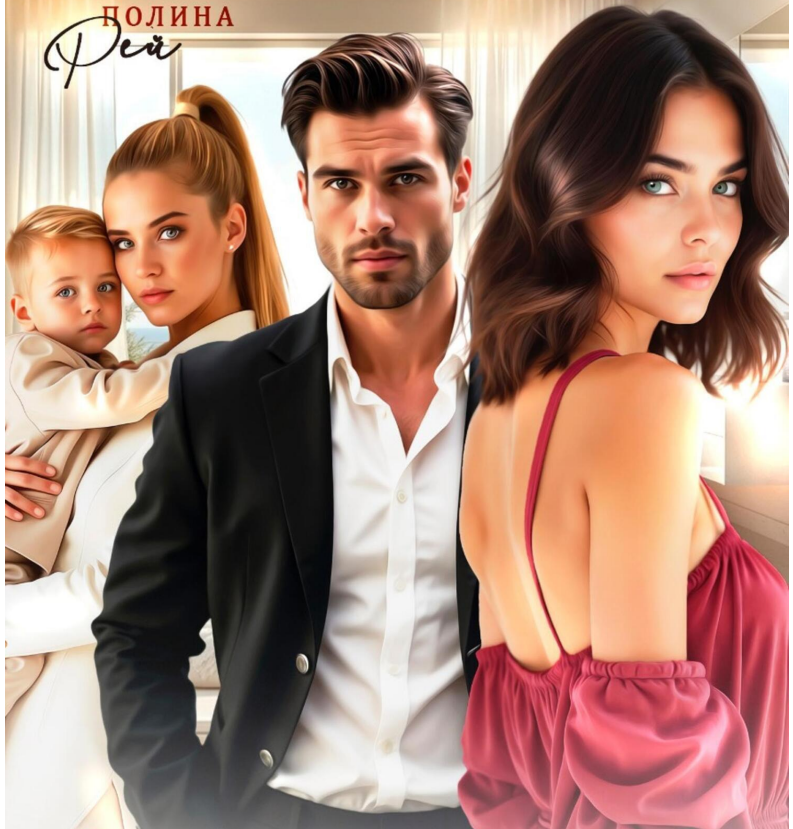

ПОЛИНА
Дей

ДВЕ СТОРОНЫ
одной
ИЗМЕНЫ

Полина Рей

Две стороны одной измены

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72684205

SelfPub; 2025

Аннотация

– Я – та, с кем ваш муж живет уже пять лет. У нас ребенок. Сын. Мальчик, о котором Тимофей так мечтал.

Невысокая блондинка, которая мне очень кого-то напоминает, говорит о крахе моей семейной жизни совершенно спокойно. А когда произносит следующие слова – в них сквозит неприкрытая злоба:

– А еще – я ваша сестра, Лена. У нас общий отец. Вы забрали у меня его, я – забираю вашего мужа.

Сегодня я узнала, что человек, с которым мы прожили пятнадцать лет, отец моих дочерей – изменщик. Но убило меня не это. Его увела моя сестра, о которой я даже не подозревала.

Ведь оказалось, что и мой горячо любимый папа все это время... жил на две семьи.

Полина Рей

Две стороны одной измены

– Я – та, с кем ваш муж живет уже пять лет. У нас ребенок. Сын. Мальчик, о котором Тимофей так мечтал.

Невысокая блондинка, которая мне очень кого-то напоминает, говорит о крахе моей семейной жизни совершенно спокойно. А когда произносит следующие слова – в них сквозит неприкрытая злоба:

– А еще – я ваша сестра, Лена. У нас общий отец. Вы забрали у меня его, я – забираю вашего мужа.

Сегодня я узнала, что человек, с которым мы прожили пятнадцать лет, отец моих дочерей – изменщик. Но убило меня не это. Его увела моя сестра, о которой я даже не подозревала.

Ведь оказалось, что и мой горячо любимый папа все это время... жил на две семьи.

Сегодня с самого утра всё валилось из рук. Сначала я сожгла кашу, так что пришлось очень быстро изобретать оладьи на скорую руку. Кристина, старшая дочь, заявила, что она худеет и сплошные углеводы есть отказывается, после чего ушла на тренировку голодной и злой.

Младшая вылила на себя чашку какао, и за это получила нагоняй от отца. Ну и вишенкой на торте была спалённая

к чертям прядь волос, на которых я передержала утюжок. Так что теперь мне нужно было в парикмахерскую. Причём срочно.

Однако визит к мастеру я была вынуждена отложить – пришлось заказывать продукты, ибо в холодильнике мышь повесилась, а ещё продумывать, что приготовить на ужин.

И всё это потому, что я отсутствовала пару дней, а за домом присматривали муж Тимофей, ну и две дочери. Одной четырнадцать, второй – десять. Вроде бы взрослые барышники, но пока на хозяйстве, как выяснилось, оставлять их было нельзя.

И вот, наконец, всё семейство отбыло из дома, и я смогла заняться делами. Обычными, даже банальными, которые уже надоели так, что набили во рту оскомину.

Готовка, глажка, уборка... И как можно столько всего натворить в квартире всего за пару дней?

Первым делом я заказала доставку. Тим обычно был против подобного и заявлял, что спуститься на первый этаж, где у нас располагался сетевой магазин, труда не составит. А переплачивать «этим дармоедам» – точно не лучшая идея.

Но сейчас у меня попросту не было сил на то, чтобы идти в магазин, где я бы стала выбирать продукты, расхаживая между полок, а потом бы потащила пакеты домой. Поэтому, быстро накидав в корзину необходимое, я стала ждать доставку, а сама отправилась в ванную, чтобы оценить масштаб катастрофы, случившейся с причёской.

Когда посмотрелась в зеркало – ужаснулась. Конечно, сейчас давали знать о себе бессонные ночи, что я провела, находясь у родителей. Но нужно было в принципе что-то делать с тем, что я стала похожа на загнанную лошадь.

Семья и быт, а так же небольшая подработка высасывали из меня все силы. И, самое главное, я понимала – так больше продолжаться не может. У меня ведь две девочки, их уже нужно привлекать к домашним обязанностям... Вот только каждый раз, когда я об этом думала, мне сразу становилось перед ними неудобно. Школа занимала львиную долю времени, а следом и у Кристины, и у Вики были спортивные секции, откуда девочки приходили только ближе к ужину. Ну и домашние задания никто не отменял, так что все их дни были расписаны до минуты.

Муж тоже не мог помочь по хозяйству – он был занят на работе допоздна. А уходил раньше всех. Жили мы, в общем-то, неплохо, хотя Тимофей и был весьма прижимистым во всём, что касалось быта. Зато подарками нас задаривал регулярно, причём порой покупал то, что было очень дорогим – золотые цепочки и браслеты, даже серёжки, хотя у меня и Вики уши были не проколоты.

Васин говорил, что это – вклад в будущее. Деньги обесценятся, а золото – никогда. А я хоть бы и предпочла, например, моющий пылесос или нанятую раз в неделю уборщицу, кивала и принимала дары с благодарностью. До сих пор вспоминала, из какой передраги нас вытащил Тимофей,

когда мы с ним только познакомились.

Тогда мой отец влез в очень серьёзную авантюру, в результате чего у нас чуть не отняли квартиру. Единственное жильё, где мы обитали втроём – я, мама и папа.

Несмотря на то, что Васину на тот момент было всего двадцать три, он уже имел связи в структурах. Так что бросился мне на помощь, словно верный рыцарь. Именно тогда я влюбилась в него окончательно и бесповоротно, а все особенности не слишком лёгкого характера стала воспринимать как данность.

Раздался звонок в дверь, и я вздрогнула, прекращая своё занятие в виде рассматривания зеркального отражения. Сейчас заберу продукты, сварю супа на пару дней, хотя Тим и выскажет своё «фи», ибо предпочитает исключительно свежеприготовленные блюда.

Ну а дальше – парикмахер.

Я всё же нашла в себе силы на то, чтобы приготовить и первое, и второе. В этом плане сильно выручала мультиварка, которую Васин тоже недолюбливал, но я приноровилась делать следующим образом: сначала готовила в ней, потом перекладывала в жаропрочную кастрюлю.

И ни разу ещё Тимофей не раскусил мой маленький лайфхак, уплетая еду за обе щёки и расхваливая мои кулинарные таланты. Хотя, это громко сказано. Обычно он в лучшем случае говорил, что всё получилось очень вкусно. А в худшем я слышала от него привычную фразу: «Есть можно».

Вот и сейчас, переложив гуляш в другую посудину и вымыв чашу мультиварки, я оглядела результаты своих трудов, полностью довольная собой. Посудомойку уже заложила, осталось только запустить программу. На плите – ароматный гороховый суп с копчёностями, а в кастрюльке – гуляш. На следующий день можно отделаться одним лишь завтраком.

Это воодушевляло, ибо за последнее время я чертовски вымоталась. Не столько физически, сколько морально. Отец заболел, вот мы с мамой и бегали вокруг него, пытаюсь привлечь к этому самых лучших врачей, каждый из которых лишь разводил руками, не зная, что является причиной недомогания.

Родители были для меня примером в жизни – столько лет вместе, а до сих пор безграничная любовь и поддержка друг друга. Когда только мы с Васиным начали встречаться, я даже не представляла, каково это – прожить с одним мужчиной больше сорока лет. Но мама и папа своим примером очень воодушевляли и показывали, что всё возможно.

И сорок, и пятьдесят, и, если повезёт, вообще дожить до Бриллиантовой, а то и Коронной свадьбы. Подобное вызывало у меня безграничное уважение и даже гордость – вот они, мои любимые люди, самые родные на свете. Счастливы друг с другом до безумия.

Итак, всё было готово и можно было сбегать в парикмахерскую. Этим я и собиралась заняться, позвонив и записав-

шлись к мастеру, готовому принять меня через час, когда в дверь вновь позвонили.

Нахмурившись, я прикинула в голове, кто же это может быть, но вариантов у меня не имелось. Я никого не ждала, а муж и дети дома отсутствовали. Так что вероятнее всего или соседка, которая любила заглянуть на чашку чая, или кто-то ошибся адресом.

– Здравствуйте, – услышала я сразу, как только открыла дверь и увидела на пороге невысокую блондинку.

Она очень мне кого-то напоминала, но вот так сходу понять, кого именно, я была не в силах.

– Добрый день, – поздоровалась в ответ и замолчала, ожидая продолжения.

Женщина смотрела на меня словно бы оценивающе, и я не могла понять, что именно ей нужно. Наконец, она разомкнула тонкие бледные губы и уточнила:

– Вы – Елена?

Честно говоря, мне захотелось сказать «нет». И я сама не могла понять, почему именно. Вроде бы ничего такого в её вопросе не содержалось, однако какой-то подспудный негатив в сторону гостыи появился сразу.

– Да, я Елена. С кем имею честь? – ответила и сама себя обругала мысленно.

Уж очень странно это прозвучало. Обычно я так себя не вела, но тут будто кто-то в меня вселился.

– Меня зовут Альбина. Можно я зайду?

Блондинка кивнула на нутро моего жилища, и у меня в ответ в душе тут же всё восстало против того, чтобы она оказалась в квартире. Том месте, которое было центром всего для моей семьи. Нашим очагом.

– А кто вы? Для начала давайте определимся с этим, – ответила я, качнув головой и сложив руки на груди в защитном жесте.

Альбина какое-то время молчала, будто сомневалась в том, что стоит рассказывать дальше. Интересно, а зачем ей тогда нужно было попасть в мою квартиру? Чтобы просто пройтись и посмотреть, где я живу?

Сделав глубокий вдох, она всё же проговорила ровно и даже холодно:

– Я – та, с кем ваш муж живет уже пять лет. У нас ребенок. Сын. Мальчик, о котором Тимофей так мечтал.

Это был абсурд чистой воды. Какая-то несусветная ересь, которой я, разумеется, ни капли не поверила.

Тим – и живёт с другой! Неужели я после пятнадцати лет брака смогу допустить хотя бы мысль о том, что это реально?

Васин даже на работе не задерживается настолько, что я бы заподозрила неладное. Да, он стал приезжать сильно позже обычного, но я всегда могу ему позвонить и убедиться в том, что он в офисе.

Блондинка стала постукивать по полу носком дорогушей туфли. То, что эта обувь стоит как крыло от Боинга, я отметила про себя машинально. Себе я таких вещей не позволя-

ла, да и не хотела позволять.

Зачем тратить такие несусветные суммы на то, что даже надеть некуда?

– А еще – я ваша сестра, Лена. У нас общий отец. Вы забрали у меня его, я – забираю вашего мужа.

Мой фундамент, та самая опора, на которой, как казалось, я неизбежно стояла все тридцать пять лет своей жизни, стал медленно осыпаться.

Я инстинктивно нашла семейное фото в простой рамке, висящее на стене. Я, Кристина, Вика и Тимофей. А рядом – мои родители. Счастливая семья во всех смыслах этого слова.

И сейчас эта женщина говорила мне, что и папа тоже жил... второй семьёй?

Всматриваясь в черты её лица, я с ужасом понимала: Альбина не врёт. С годами отец немного изменился и капельку обрюзг, но я помнила его старый снимок. Тот самый, на котором он запечатлён, когда был молодым.

То же выражение лица, как и у «сестры», тот же прищур... Так вот, кого она мне напоминала... Вот, на кого была похожа!

– Это ложь! – отрезала я, подспудно ища объяснения тому, что видели мои глаза.

Может, у отца был брат, о котором я почему-то ничего не знала. И вот он где-то там завёл семью, а Альбина по какой-то неведомой причине решила прийти к кузине и со-

врать...

Двойной обман, потому что она ну никак не могла быть дочерью моего папы и любовницей моего мужа!

– Нет, не ложь, Елена. Я понимаю, ты ни в чём не виновата, но я страдала... Страдала каждую чёртову минуту своего детства, когда понимала, что мне уготована роль второго плана.

Она всё же попыталась взяться за дверь и, открыв её шире, войти в прихожую, но я вцепилась в металлическое полотно изо всех сил.

Ноги Альбины здесь не будет! Не будет и всё тут! Я не позволю ей отнять у меня то, что ещё оставалось моим.

Родной дом.

– В твоих интересах со мной всё обсудить до того, как Тимофей придёт к тебе и скажет обо всём сам. Вот – посмотри... Взгляни, как мы счастливы!

Она сунула руку в кожаную сумку и вытащила оттуда целое досье – папку, которую попыталась всучить мне. Но я, опять же чисто инстинктивно, отпрянула.

На то, что притащила мне Альбина, смотрела так, будто она выудила на свет божий ядовитую змею.

– Ну что же ты не смотришь? Взгляни!

Она стала листать папку и показывать мне фотографии, распечатанные в формате А4. На снимках были то Тим с нею и малышом лет трёх, то Аля в компании моего отца.

Нашего отца.

– Я хотела всё сделать иначе, – торопливо проговорила Альбина. – Уговаривала папу во всём признаться, но он был непреклонен. Сказал, что лучше умрёт, чем допустит хоть единственный шанс на то, что твоя мама обо всём узнает. Но я больше так не могу, Лена. Меня сжирает изнутри само понимание, что тебе достались оба моих мужчины!

Достались оба моих мужчины.

Достались оба моих мужчины...

Эта фраза колотилась в висках, будто кто-то раз за разом ударял тяжеленным молотом по бездушной наковальне. Даже если предположить, что Альбина не лжёт, она ведь понимала, что это вторая дочь родилась позже и теперь пытается забрать то, что принадлежит мне? А вовсе не наоборот?

– Я требую, чтобы вы ушли...

Слова прозвучали глухо, но я себя знала. Это затишье перед бурей. То самое, после которого последует эмоциональный взрыв такой силы, что он будет сопоставим с несколькими килограммами в тротиловом эквиваленте.

Да, меня непременно накроет истерикой, но здесь и сейчас почему-то так важно было остаться ледяным айсбергом. Чтобы эта незнакомая женщина, назвавшаяся моей сестрой, не видела, как мне больно и жутко внутри.

– Я требую, чтобы вы ушли, Альбина! – повысила я голос, держась из последних сил.

Она зло усмехнулась. Свою чёртову папку бросила на стул, где обычно сидел и переобувался после возвращения

домой Тимофеей. И что теперь будет? Он просто не придёт с работы и скажет мне по телефону, что станет растить долгожданного сына с другой?

Да, я знала, что Васин мечтает о мальчике. Мы во вторую мою беременность даже просили не говорить нам пол ребёнка, потому что Тим не хотел терять надежды до самых родов. И когда Вика появилась на свет, я видела, как сильно муж разочарован.

Но сейчас-то его безграничная любовь к нашим дочкам была совершенно кристальной и неоспоримой!

– Хорошо, Елена... Я уйду. И знай, что мне действительно бы очень хотелось, чтобы мы с тобой общались иначе. Я очень надеялась на то, что папа всё же нас познакомит ещё до того, как он свёл меня с Тимофеем...

Это был окончательный удар – смертельный и беспощадный.

Папа... свёл свою вторую дочь с моим мужем?

– Вон! – заорала я не своим голосом, подлетев к Альбине и начав выпихивать её из квартиры. – Вон! Я сказала – прочь из моего дома!

Крича так, будто меня убивали, я выталкивала эту жуткую хватчицу, а самой казалось, что на руках моих остаются ожоги. Те, которые совсем скоро превратятся в кровавые волдыри, а следом – в безобразные шрамы.

Точно такие же, какие уже появились у меня в душе. Хоть и невидимые глазу, но отравляющие изнутри.

Наконец, я смогла захлопнуть дверь за Альбиной и запечатать её на все замки. Сразу будто бы стало легко на сердце, но я понимала, что это своего рода агония. Человеку всегда становится лучше перед смертью, вот и я была на пороге гибели, а сейчас хваталась за осознание, что мне будто бы полегчало.

Пройдя к окну, я убедилась в том, что Альбина ушла. Пересекла двор и скрылась в арке дома на противоположной стороне.

Про парикмахера было забыто. Я плохо представляла себе как в принципе выхожу из дома и куда-то отправляюсь. А уж сидеть и болтать обо всякой ерунде с мастером и вовсе будет выше всяких человеческих сил.

Папку с фотографиями я всё же подняла и наскоро пролистала. Если это не фоташоп, то доказательств измен мужа и папы – хоть отбавляй. И что мне теперь с этим самым досье делать, позвольте спросить?

Сначала вызвать мужа, который после всего, что уже стало достоянием моих ушей, просто соберёт вещи и уйдёт. А затем отправиться к отцу и, несмотря на то, что он угрожал умереть, но не дать сказать маме, вывалить родителям на голову эту грязь?

Упав на стул в кухне, я закрыла лицо ладонями и буквально завывала в голос. Соседи вряд ли озадачатся тем, что сначала у нас тут крики, а затем – вой.

Чужим людям вообще редко когда есть дело до чужой бе-

ды...

Отняв руки, я осмотрела нашу небольшую, но уютную кухню. Сейчас особенно горестно было понимать, что больше мы здесь не соберёмся на празднование дня рождения или Нового года. Да просто представить нас всех за семейным ужином было нереально.

Ибо там, у Альбины, есть настоящее сокровище для Васина. Его сын. А мы с девочками так... Прошлые, с которым свяжут лишь алименты и совместно нажитое имущество.

Поняв, что я начинаю сходить с ума от этих ужасных мыслей, я всё же решилась. Взяла телефон и набрала номер мужа. Тимофей обычно не любил, когда я отрывала его от рабочих вопросов. Но сейчас, когда я слушала равнодушные гудки, у меня в голове роились размышления о том, как часто он пренебрегал работой или врал мне, что задерживается, а сам ехал к своей второй семье?

– Я слушаю, – отозвался муж, когда мне показалось, что он попросту не ответит.

Глупо, но я стала опасаться, что он поедет из офиса к Альбине, а мне сообщит в бездушном мессенджере, что явится за вещами как-нибудь потом.

Однако Васин ответил, и его родной, узнаваемый до чёрточки голос на мгновение породил во мне желание смолчать. Сделать вид, будто ничего не произошло.

Это было отчаяние, попытка утопающего удержаться на плаву, уже знающего, что он – на дне.

Вместо этого я попросила каким-то чужим, не принадлежащим мне голосом:

– Приезжай. Срочно. Это очень важно.

И услышала в ответ тот вопрос, который стал приговором, что вынес мне любимый человек:

– Она была у тебя, я верно понимаю?

После того, как я услышала эти слова, всё встало на свои места окончательно и бесповоротно. Альбина не солгала. Но разве я уже в этом не убедилась несколько раз кряду? Так почему же до сих пор хваталась за то, что уже не могло сбыться? За эфемерное чувство, что мне мог присниться визит той жуткой женщины?

– Приезжай, Тим, – прохрипела я в трубку. – Иначе я явлюсь к тебе в офис сама.

Отключив связь, обхватила себя руками, потому что показалось, будто я могу в любой момент развалиться на части. И, может, это станет чем-то вроде спасения? Когда перестану существовать, просто став чем-то крохотным... например, пылью.

Перед мысленным взором появились образы дочек. Кристина сейчас особенно нуждается в матери. У неё сложный подростковый период. Что же будет, когда мои девочки узнают о том, что наша семья больше не будет цельной? Не продолжит быть их оплотом, той незримой крепостью, в которую они возвращались вечерами, зная, что здесь их всегда примут и поймут?

Мне нужно быть сильной ради них. Ради моих родных малышей, порою взбалмошных и колючих, но тех, для кого я – опора и поддержка всегда. Что бы ни случилось.

Как я провела эти минуты, которые отделяли меня от прибытия мужа и того разговора, что станет концом всего, не знала. Просто сидела, так и продолжая обнимать себя, пытаюсь удержаться в каком-то одном состоянии. И это мне удалось. По крайней мере, то жуткое состояние истерики, которое так и прорывалось из души, удалось взять под контроль.

В двери повернулся ключ, а потом на какое-то время пространство окутала тишина. Будто Васин не решался зайти в собственный дом. Ну или с кем-то, например, советовался на тему того, как провести с женой этот разговор.

Альбина ведь произвела впечатление женщины, которая будет делать так, как захочет она и никто другой. Только из этого проистекал вопрос: как она столь долгое время была в тени? Судя по её словам и поведению, для неё это было смерти подобно.

Я всё же нашла в себе силы и прошествовала в прихожую в тот момент, когда Тимофей вошёл в квартиру и начал разговаривать. На меня он не смотрел. Даже взглядом не окинул, по которому я бы сразу поняла, в каком русле пойдёт наша беседа.

– Пахнет вкусно, – глухо проговорил он, и эти два слова едва не заставили меня разрыдаться.

Может, всё сон? Может, я заболела и у меня случились

галлюцинации?

Нет, это не так... Никаких больных фантазий с любовницей мужа в главной роли. Это я поняла тогда, когда наши взгляды с мужем всё-таки встретились.

Он смотрел отчасти виновато, отчасти уверенно. Тим планировал сказать мне... А кстати, что именно? Что уходит к Альбине? Но почему не сделал этого раньше?

– Она у меня была, – просипела я, отвечая на тот вопрос, который в телефонном разговоре остался без ответа. – Дочь моего отца и любовница моего мужа.

С губ срывались эти слова, но в голове моей они укладываться никак не желали. Потому что казались бредом сумасшедшего.

– Давай поговорим, Лена, – произнёс Васин, кивая на кухню. – Спокойно сядем и обсудим, как станем действовать дальше.

Что я могла сделать? Что мне нужно было предпринять в виде следующего шага? Как обычно поступают обманутые жёны в таких ситуациях? Если, конечно, предположить, что хоть какая-то женщина способна после подобного не сломаться и не сдохнуть...

– Давай поговорим, – согласилась я. – Но не обещаю, что всё пройдёт безэмоционально.

Голос мой звучал так, будто принадлежал роботу, а не человеку. Но иначе я не могла. Пусть хотя бы таким образом я сделаю всё возможное для сохранности своей души.

Мы прошли на кухню, при этом Васин становился всё более уверенным с каждым мгновением. А я ждала. Ждала терпеливо, что же он скажет. С чего начнёт.

Наконец, когда устроились за столом, Тимофей какое-то время смотрел на меня, а затем заговорил:

– Нужно было сказать тебе раньше, но это бы обязательно потянуло за собой ту правду, которой Алексей Юрьевич боялся и боится как огня...

Слова мужа, такие спокойные, подёрнутые завесой принятого уже давно решения, прозвучали окончательным приговором.

Тим в данный момент был моим палачом и прекрасно это осознавал. А я не могла даже дышать – настолько больно и невыносимо мне было от той жуткой реальности, в которую я погружалась, погружалась и погружалась...

– Как так вышло, что... мой отец вас и свёл? Как? Я не понимаю... Это же двойное предательство!

Я не сдержалась и повысила голос, на что Васин едва не поморщился. Ему всё это было крайне неприятно – я видела данный факт невооружённым взглядом. И, наверное, он бы вообще предпочёл просто собрать шмотки и свалить к Альбине, а не сидеть и не разговаривать со мной о том, что приносило исключительно дерьмовые ощущения.

– Тебе это Аля сказала? – вскинул бровь муж.

Такой отчаянно чужой, будто бы утром из дома уходил один человек, а сейчас приехал совершенно другой. Как в

каком-то ужастике, который происходил со мной наяву...

– Да, – выдавила из себя через силу. – Это сказала мне она.

Тимофей покачал головой и прикрыл глаза. А когда запахнул их, я в очередной раз поразились этому ледяному взору, который, казалось, оставлял на моей коже морозные отпечатки.

– Никто нас не сводил, Лена. Да, познакомились мы благодаря твоему папе, но в дальнейшем сошлись исключительно потому, что между нами возникли чувства.

Он сделал паузу и добавил решительно:

– Я понимаю, что тебе это очень неприятно и больно слышать, но ты поймёшь – так будет лучше. И для тебя, и для меня. Только прошу – не рушь семью твоих родителей. В отличие от меня, Алексей Юрьевич не хочет окончания своей семейной жизни.

Если бы он меня ударил, чего, разумеется, Тим не позволял себе никогда, я бы и тогда не испытала такого шока, какой обуял меня в данный момент.

Состояние полнейшего ступора, ощущения исчезнувшей из-под ног твердыни... Я падала в эмоциональную яму без дна, и понимала, что меня только что намеренно уничтожили. Теми родными руками, в которых я столько раз находила покой и умиротворение...

– Я сама решу, что мне с этим делать! – выкрикнула чужим голосом, в котором сквозили такие нотки, что мне стало страшно окончательно.

Но вместе с тем из глубины души подняла голову лютаая ненависть. К этим мужикам, которым вечно не хватает чего-то, вот они и идут искать новые чувства и эмоции на сторону. К этой жуткой бабе, которая была моей сестрой... У меня ведь не спросили: хочу ли я, чтобы в моей жизни настолько появился вроде как родной мне человек?

Тот, который вообще в итоге разрушит мою жизнь...

– Лена, послушай... Твой папа допустил ошибку... Он, конечно, так не говорит, но я считаю, что те отношения, которые очень быстро закончились, это ошибка...

Я вскочила и выверилась на мужа, не дав ему договорить:

– Ошибка? Ошибка, которая сейчас пришла в наш с тобой дом и заявила, что она забирает у меня мужа?

Васин разозлился тоже – я видела это по тому, как запылали недовольством и потемнели глаза Тимофея.

– Никто никого не забирает! Я ухожу сам, Лена. Мы с тобой разойдёмся интеллигентно. Чуть позже расскажем дочерям о том, что разводимся...

Выдерживать я этого больше не могла. Само осознание, что Тим стал настолько бездушным, породило во мне просто невероятный гнев.

Вскочив, я схватила мужа за одежду и потребовала ответа:

– То есть, ты сейчас вот так спокойно уйдёшь к этой своей сучке, а меня оставишь здесь делать вид перед дочерьми, что ничего не случилось? Что мы и дальше живём вместе, но папа просто уехал в командировку? Что мне нужно им соврать?

А? Что? Я тебя спрашиваю!

Всего крохотное мгновение – и я уже отлетела прочь, потому что Васин оттолкнул меня легко, словно пушинку.

– Она не сучка! Не смей так говорить о ней, Лена! Помни, что она – твоя сестра!

Муж впал в крайнюю степень ажитации. Я и себя не узнавала в том, что говорила и делала, и передо мной сейчас находился какой-то незнакомец.

– Засуньте эту сестру туда, откуда она уже никогда не вылезет! – прошелестела я, начиная задыхаться от тех жутких ощущений, которые никуда уже не денутся.

Я была уверена – их станет лишь больше, когда вся эта история приобретёт огромный размах. А это неминуемо случится, потому что я не собиралась отползать в сторону, где стану зализывать свои раны. И с отцом непременно поговорю, причём в самом обозримом будущем.

– Лена, давай успокоимся, – всё же проговорил увещательным тоном Тимофей, поднимаясь следом.

В его голосе сквозили настолько неискренние нотки, что меня даже подташнивать стало. Разве так расходятся с любимыми людьми? Разве я не достойна хотя бы того, чтобы со мной развестись по-человечески?

И есть ли вообще такой способ, который бы помог минимизировать те жуткие душевные страдания, от которых я разбивалась и разбивалась на осколки?

– Конечно, делать никакой вид перед дочерьми не нуж-

но, но я предлагаю тебе самой взять время на то, чтобы всё это обдумать. Посуди сама – я говорю о том, что мы дальше жить вместе не будем. Но оставляю вам эту квартиру, живите в ней, конечно же. Алименты тоже буду платить, сколько назначит суд. Ты ещё молода, у тебя ещё может быть новый мужчина...

И вновь я погрузилась в ощущение, что если бы Васин меня поколотил, я бы и тогда не испытала сотой доли того, что властвовало надо мною теперь.

Он совершенно «на голубом глазу» говорил мне о новом мужчине... Как у него вообще язык поворачивался заводить данную тему, ведь Тим знал, что я буду последней, кто сейчас побежит искать себе новую любовь?

– Замолчи, Васин! Замолчи, потому что ты несёшь полную ересь!

Я закрыла уши руками и зажмурилась. Он прав... Пусть уходит и оставит меня одну, потому что чем больше слов произносил Тимофей, тем меньше я верила в происходящее.

– Вечером возвращайся и будем говорить с Кристиной и Викой, – выдохнула я, распахнув глаза.

– Лена, я не думаю, что стоит так быстро... – начал Тим, но я его быстро прервала:

– Думать по данному поводу буду только я. Даю тебе один шанс сесть и поговорить обо всем с детьми вместе со мной. Иначе я сама им выдам всю правду, и поверь мне, из моих уст она будет звучать настолько паршиво, насколько всё есть

на самом деле.

Васин снова злился и смотрел на меня так, будто я в одночасье стала его смертным врагом. Что ж... Мне уже плевать. Всё решено, всё известно... Осталось лишь не позволить им всем окунуть себя в ещё большее дерьмо.

Поэтому пусть муженёк едет хоть в офис, хоть ко второй жене, хоть к чёрту на рога. А я отправлюсь к отцу и пусть он всё расскажет, глядя мне в глаза.

– Хорошо, пусть будет по-твоему, – ответил Тимофей, видимо, приняв какое-то решение.

О том, что он там надумал, спрашивать бесполезно. Надо принять, как данность, что я жила столько лет с предателем и лжецом.

– Вечером буду. Прости, Лен, что всё вот так... Я хотел сделать иначе, уверяю.

Потоптавшись на месте и не дождавшись от меня ответа, Васин просто вышел из квартиры. А я осталась наедине с собой.

Возможно, мне стоило быть более хитрой и изворотливой. Сесть и придумать какой-то план... Но я не могла. Это было выше моих сил.

Да и чем бы я тогда отличалась от тех, кто меня растоптал, словно я была никчёмным человеком, не заслуживающим нормального отношения?

Наверное, ничем.

Хотя, с волками жить – по-волчьи выть. Кажется, так?

Надо будет очень крепко подумать именно в эту сторону...

К отцу, разумеется, я поехала почти сразу, как немного пришла в себя. Смысла оставаться наедине со своими чувствами и в одиночку переживать то, что никакого позитива не приносило, я не видела. Раз уж даже самые родные люди обо мне нисколько не думали, то и я не стану принимать в расчёт их желания.

Тем более, что связана эта таинственность была лишь с одним – с попыткой прикрыть свою задницу...

Когда появилась у родителей в квартире, меня охватило такими противоречивыми эмоциями, что я чуть не разрыдалась на пороге. Вот он – мой дом, где живут те люди, которые были для меня основой основ. И выходит, всё это блеф? Существует только в моих воображении и памяти?

– Ой, Леночка! Что-то случилось? – тут же всполошилась мама, которая выглядела весьма уставшей.

Она очень переживала из-за того, что папа болел и мы никак не могли разобраться с этим вопросом. Сейчас, наверное, будет слишком жестоким обрушивать на неё всю правду. Поэтому я приняла решение – сначала поговорю с отцом, а уже потом будет ясно, как скоро стоит посвятить во всё мать.

Растянув губы в улыбке, в которой искренности не было ни на йоту, я объявила:

– Ничего не случилось! Просто решила сделать сюрприз. Побуду с папой час-другой, а ты как раз собиралась на маникюр, но всё времени не находила.

Молодец, Лена, пять баллов! Учítывая, что запись к маминому мастеру лучше начинать за пару недель до процедуры, сейчас вряд ли удастся обнаружить окошко в расписании. Однако, на удивление, это сработало, словно сама судьба давала мне возможность переговорить с отцом с глазу на глаз.

– Ой, как хорошо! Таня как раз мне писала сегодня, что я могу к ней прийти! – обрадовалась мама.

У неё было очень важное правило в жизни: что бы ни случилось, маникюр должен быть безупречным. Так что данный факт сегодня играл на моей стороне.

– Вот и иди, я как чувствовала, что мне нужно к вам.

Ощущая себя пластиковой куклой, которая играла в какой-то странной театральной постановке, я сняла обувь и прошествовала в гостиную, где упала на диван. Ноги почти не держали, а в голове моей происходила отчаянная работа мысли. Как и какими словами сейчас говорить с отцом, учитывая его состояние?

– Лариса! Что там происходит? – раздался его голос из спальни, и я поняла, что папа очень встревожен.

Нехорошее предположение о том, что Васин уже написал или позвонил ему и всё рассказал, заставило меня замереть на месте. Это было совершенно отвратительно по отноше-

нию ко мне. Не дать ни единой возможности увидеть реальную реакцию папы, а подготовить его заранее.

Словно кодекс чести изменщиков, который должен быть соблюден, и эти двое предателей когда-то условились подставить друг другу плечо в случае чего.

– Лёш, всё в порядке, это Лена забежала! – крикнула мама в сторону спальни, и я решилась.

Поднялась и, подойдя к двери в комнату, распахнула её. Тут же в меня буквально впился требовательный взгляд отца. В глазах его плескался страх, но при этом сквозило немое предупреждение. Он словно обещал мне все кары мира, если вдруг всё пойдёт не так, как нужно ему.

– Я пришла, чтобы маму отпустить на маникюр, – откликнулась я бесстрастно, прекрасно поняв, что папа действительно в курсе прибытия Альбины и обнажения передо мною злосчастной правды.

Он выдохнул не без облегчения, когда осознал, что мама ничего не знает, даже попытался заискивающе улыбнуться.

– Я могу и не уходить... Если тебе снова нездоровится... – произнесла мама растерянно.

Она слишком хорошо чувствовала своего мужа, что раньше вызывало у меня восхищение, а сейчас – агрессию в сторону отца. Ему же это было так удобно... Комфортно пользоваться семейным благополучием, созданным руками той женщины, которой он безбожно врал столько времени...

– Нет-нет, иди Лар, иди, – откликнулся папа, и я повер-

нулась к ней.

– Мам, давай, беги на маникюр, мы здесь прекрасно проведём время, – пообещала, не сумев сдержать того, что прорывалось через все преграды, которые я выставляла внутри себя.

Пока мама собиралась, я прошла в их с отцом комнату и устроилась на стуле. На папу старалась не смотреть, хотя и ощущала, как он пытается установить между нами зрительный контакт.

– Всё, я побежала! Скоро буду, – донёсся до меня голос мамы их прихожей, а через пару мгновений она ушла.

И как только мы с отцом услышали звук поворачивающегося в замке ключа, показалось, что пространство заиндевело. Стало ледяным и хрупким.

– Я думаю, ты в курсе всего, папа, – произнесла я, всё же взглянув на отца.

Голос мой при этом был хриплым, царапал горло.

Тот человек, которого я безумно любила и которому доверяла на все сто, упрямо вздёрнул подбородок и ответил:

– Да, я знаю, что Альбина к тебе приходила. Но поверь мне – я сделал свой выбор уже давно. Только ты и Лара – моя семья. А всё остальное не имеет никакого отношения ни ко мне, ни к тебе, ни тем более к твоей матери!

Папа говорил с запалом, и я бы, возможно, поверила его словам, если бы не видела своими глазами тот чёртов альбом.

Отец прекрасно жил на две семьи, растил Альбину... Он познакомил свою вторую дочь с моим мужем. Так что все его фразы можно было делить на десять, а то и на сто.

Но сказать ему об этом я не успела. Потому что папа вдруг ошарашил:

– Маме нельзя нервничать. Она не говорила тебе, чтобы не волновать, но не так давно у неё обнаружили рассеянный склероз. Сейчас она на уколах... И эти новости ей здоровья не прибавят. Так что давай обсудим всё, о чём бы тебе хотелось поговорить, а после ты будешь просто молчать по поводу Альбины.

Известия о маминой болезни стали ещё одним ударом. Сколько будет подобных потрясений, которые устроят мини атомный взрыв в моей порядком истощённой нервной системе?

Что ещё я узнаю следом? То, что не позволит мне и дальше быть тем человеком, которым я являлась на протяжении тридцати пяти лет своей жизни?

– Что за бред? – не без воинственности, явно звучащей в голосе, потребовала я ответа у отца.

Первой мыслью была идея о том, что папа просто придумал это, чтобы избежать обнажения грязной правды. Но может, это и впрямь истина? Мама ведь была очень любящим родителем, она всегда меня ограждала от плохих новостей, говоря, что жизнь в любом случае выдаст целый ворох неприятных известий.

– Никакой не бред, – откликнулся отец.

Он опустил ноги с постели, и я в очередной раз отметила про себя тот факт, что папа сильно исхудал. А может, здесь всё просто? Пока мама реально болела, отец был в нервном напряжении по поводу того, что будет с ним и его семейной обустроенностью, в которую он так вцепился. Вот и недомогание налицо...

– Я бы не стал такое выдумывать, ты же знаешь. И я очень за неё переживаю.

Сложив руки на груди, я смотрела за тем, как отец встаёт и начинает медленно одеваться. Наверное, это было неправильно, но сейчас в каждом его жесте и движении мне виделось нечто театральное. Как будто он намеренно показывал мне, как всё плохо и как ему тяжело.

А на деле мне нужно было думать о том, что трудно вовсе не ему. Пока только на моих плечах лежал весь груз тех жутких новостей, которые ещё не скоро смогу осознать.

– Так переживал все эти годы, что тебе это не мешало полноценно растить Альбину? – хмыкнула в ответ.

Он смерил меня строгим взглядом, но ничего произносить не стал. Задумчиво посмотрел куда-то в сторону, затем опять перевёл глаза на меня.

– Я был ей отцом для того, чтобы скрыть свой грешок. О котором очень сожалею, и если бы мне предоставилась возможность всё исправить там, в прошлом, я бы никогда даже не подумал о близости с другой женщиной.

У меня к горлу аж комок подкатил. Стало трудно дышать и затошнило. Об этом я знать не хотела, но пришлось всё же спросить:

– И почему же подумал в своё время? Хотел уйти от матери?

Только я задала этот вопрос, как отец буквально взвёрился на меня:

– Никогда! Никогда я даже близко об этом не думал, Лена! Надеюсь, что это ясно по тому, как я относился к Ларе всегда, всю нашу совместную жизнь!

Он говорил с запалом, но смысла в том, чтобы так пытаться меня в этом убедить, не было. Я ведь действительно видела своими глазами родительские отношения. Только сейчас всё было омрачено тем следом, который тянулся из прошлого...

– Это ясно да, только поверь, папа, когда думаешь о вашей с мамой совместной судьбе и вспоминаешь прибытие Альбины, как-то уже совсем не радужно становится.

Отец покаянно опустил голову, а я продолжила наступление:

– Зачем ты познакомил Тимофея со своей второй дочерью? – намеренно выбрав именно эти слова, спросила у отца. – Ты же теперь в курсе того, что у меня больше нет семьи? Как на это смотришь, папа? М? Душа не болит? Или если вторая кровинушка счастлива, то и на первую уже плевать?

Я начала духариться. Выдавала эти суждения голосом, в

котором сквозило отчаяние, потому что понимала: я осталась одна... Просто-напросто одна...

Больше не будет задушевных разговоров с отцом, мужа у меня и впрямь больше нет. Зато эта сучка-Альбина, наверное, в восторге...

– Нет, Лена, нет... – вдруг выдохнул папа, закрыв лицо руками.

Его тело стали сотрясать рыдания, но бросаться и успокаивать человека, который сам и создал эту ситуацию, я не стала. Горе отца – ничто в сравнении с тем, какой крах постигло мою жизнь...

Я думала об этом и удивлялась сама себе. Эгоисткой никогда не была, но сейчас именно мысли о себе любимой стали якорем, за который я уцепилась мысленно.

– Мне на тебя никогда не будет плевать! Я отдам тебе всё – только ты моя дочь и больше никто! А то, как поступил Тимофей... Я говорил с ним об этом не раз. Но сейчас он уже непреклонен. Если раньше твой муж ещё допускал вероятность того, что ему удастся жить на две семьи, теперь сказал, что его выбор однозначен.

Папа сглотнул, глядя на меня виновато, а мне было не до его реакций и чувства дискомфорта. Конечно, я знала от Васина, что он – уже не мой. Но сейчас меня будто обухом по голове ударяли и ударяли раз за разом.

Вся эта мерзость обсуждалась за нашими с мамой спинами, а мы жили свои жизни, которые зависели от выбора папы

и Тимофея. И в любой момент рука палача могла опуститься и покончить с нашим эфемерным счастьем.

Что и случилось...

– В целом, мне всё понятно, – проговорила я тихо, поднимаясь, чтобы покинуть общество отца.

Он тут же всполошился:

– Ты ведь ничего не скажешь Ларисе, да? Ей будет очень плохо... и мне тоже. И главное – эта правда ничего не исправит! Сделает только хуже. А Альбина успокоится, я уверен. Теперь-то точно...

Прекрасно... Мою семью принесли в жертву, чтобы папе спокойно жилось и дальше. Я и мои дети стану заложниками этой ситуации и будут страдать в первую очередь, чтобы остальные наслаждались тем, что украли у безвинных людей...

– Ничего не могу обещать, Алексей Юрьевич, – хмыкнула, впервые назвав отца по имени-отчеству. – Ничего не могу обещать.

Слова, которые я повторила, повисли в воздухе той горечью, которой было пропитано всё моё существование в данный момент.

Через мгновение я ушла, не выдержав больше напряжения, пронзившего пространство.

Кажется, теперь у меня точно больше не было не только мужа, но ещё и отца...

Возвращение домой вновь ударило по натянутым до предела нервам. От вида той еды, которую сегодня готовила, ещё не зная, что моя жизнь вот-вот превратится в кошмар наяву, на глазах сами по себе выступили слёзы.

Но разнюниваться было нельзя. Сначала я обязана была пройти через ещё одно жуткое событие в виде разговора с Крис и Викой. Пока даже не представляла, как они отреагируют. Особенно старшая, на которую, казалось, не так посмотри, и она уже впадёт то в депрессию, то ещё во что похуже...

Сначала домой вернулась Вика. Я покормила её, расспросила о том, как прошёл день. Кажется, дочь по мне не заметила, что наша семейная жизнь висит на волоске, что было, разумеется, только к лучшему.

Затем я стала порядком нервничать. Вика ушла в детскую, а я поняла, что Кристина задерживается. Схватив телефон, набрала номер дочери, но она не подошла!

Страх затопил меня удушливой волной. Вытеснил вообще все негативные ощущения, которые были связаны с предательством отца и Тимофея. Стало понятно в одночасье, что нет ничего хуже, чем опасаться за своего ребёнка – всё остальное меркло по сравнению с этим, превращаясь в ничто.

Набрав номер классного руководителя, я задала ей вопрос относительно местонахождения дочери, на что получила ответ, что она выяснит это и свяжется со мной через десять

минут.

И это время стало жутким, наполненным такой чёрной безысходностью, что я забыла, как дышать.

Наконец, классная позвонила, и как раз в этот момент в прихожей раздался звук поворачивающегося в замке ключа.

– Спасибо, Наталья Леонидовна, – выдохнула я, приходя в себя. – Кристина вернулась.

Слушать ответ классрука не стала. Вышла в прихожую, где как раз переобувалась дочь, и поняла, что явилась она домой не одна.

– Ой, Лен... Ты чего так с лица сбледнула, – выдал Васин ту фразу, которую обычно любил вставить к месту и не особо. – Мы с Кристи дома.

Я так и застыла немой статуей, ибо казалось, что Тимофей завёл какую-то свою игру.

Не обращая на мужа внимания, потребовала у Кристины ответа:

– Почему ты не подходила к телефону?

Дочь недовольно сверкнула глазами в мою сторону, а затем обменялась с отцом понимающими взглядами. Всё ясно... Пока я выясняла с папой обстоятельства того, как Альбина пришла в нашу жизнь, Тим без дела не сидел.

Но чего он добивался? Что я оставлю его жить здесь? Или что мы всё же ни слова не расскажем девочкам, а он солжёт, что уехал в длительную командировку?

Внезапно меня прошило жуткой догадкой. А что если Ти-

мофей уже всё поведал Кристине? Но сделал это в том свете, который был бы выгоден ему?

Нет, это бред чистой воды. Дочь бы никогда не восприняла подобное как норму...

– Мы с папой ели гамбургеры, я не слышала, – пожала плечами Крис.

Я удивлённо воззрилась на Тима. Во-первых, такую еду дочь не любила. А даже если иногда и съедала «в охотку», потом себя корила за лишние употреблённые калории. Во-вторых, у нас было негласное правило – ужинаем мы дома, тем, что мать, то есть, я, ставит на стол.

– Вообще-то я сегодня полдня готовила, чтобы мы сели поесть, как обычно... – начала, но поняла, что это бессмысленно.

И даже опасно. Если вдруг сейчас Васин заявит, что мы тогда садимся ужинать всей семьёй, то придётся уже сейчас высказать ему, куда он может идти со своими предложениями.

– Я сыта, мам, – откликнулась Кристина и, подхватив сумку, вновь обменялась с Тимом молчаливыми взорами.

Которые мне совершенно не понравились и даже ввели в некое состояние ступора.

– Отнеси вещи и скажи Вике, что мы ждём вас обеих на кухне, – проговорила я в спину удаляющейся дочери.

Она лишь на мгновение застыла и, ничего не ответив, скрылась в недрах детской. А мы с Васиным остались наеди-

не.

Говорить с мужем о чём бы то ни было, смысла я не видела. Мы всё обсудим, но когда сядем вчетвером обговаривать грешки главы семейства. Однако когда направилась на кухню, муж спросил:

– Как диалог с отцом?

Обернувшись к Васину так резко, что это движение отдало мне в шейные позвонки, я в недоумении смотрела и смотрела на него, гадая, что именно он хочет услышать. Скорее всего, интересуется этим для Альбины, ведь этой змее подколодной всюду надо заползти и пустить свой яд.

– Не твоё дело, – отрезала в ответ. – С нынешнего дня это только наши семейные истории с мамой и папой, и тебя они совершенно не касаются.

Хотела присовокупить к этому, что и его шлюха тоже никакого отношения к данному аспекту моей жизни не имеет, но не стала этого делать. А потом у меня и вовсе дар речи потерялся, когда Тимофей проговорил спокойно, будто это была данность:

– Хорошо, дело твоё. А вот моих детей вопрос наличия Али касается. И Кристина уже в курсе того, что у неё есть братик. Я ей сегодня всё рассказал.

Мои глаза распахнулись, а воздух в лёгких кончился. В который раз за сегодняшний день. Нет, нужно перестать даже задаваться вопросом о том: есть ли что-то, что способно меня удивить ещё сильнее? Потому что из раза в раз жизнь

в лице мужа или отца показывала – может.

– Что ты... что ты натворил? – выдохнула с неверием, очень рассчитывая на то, что Васин мне просто соврал.

А сама Кристина... Она действительно вот так просто восприняла эти известия?

– Да ничего не натворил, Лена! – процедил Тим. – Ничего! Ты всё равно бы им всё сказала...

Я схватилась за голову, которую стало разрывать на части. Надо взять себя в руки... Надо просто взять себя в руки...

– Так... Хорошо. Идём говорить, как и планировали, – отчеканила я ледяным тоном. – Хочу лично узнать у дочери, что она об этом думает!

Я всё же прошествовала на кухню, и мне казалось, что в спину вонзаются кинжалы – видимо, некогда любимый муж буквально испепелял меня взглядом. Но мне было на это всё равно. Сейчас я хотела лишь дать знать своим детям о том, что Тимофей Игоревич сотворил собственными руками.

Наконец, они втроём пришли следом за мной. Тим опустился напротив, Кристина предпочла занять нейтральную позицию, устроившись посередине между мною и своим отцом.

А вот Викуся держалась поближе ко мне. И если даже подзревала что-то неладное, старалась этого не показывать.

– Итак... Крис уже в курсе того, по какому поводу мы собрались, а вот для Вики это будет сюрпризом, – мрачно проговорила я, смерив мужа таким взглядом, по которому бы он

понял, что лезть вперед меня в пекло не стоит.

Старшая дочь насупилась окончательно и опустила глаза долу, а младшая нахмурилась.

– У вашего отца есть вторая семья, в которой растёт ребёнок. Мальчик.

Я намеренно не стала говорить определений вроде «ваш брат» или чего-то подобного. Может, тот самый сын и не был виноват ни в чём, но для меня он был никем. И думать я должна была исключительно о себе и своих детях.

Которые отреагировали совершенно по-разному. Крис ещё ниже опустила взгляд, а Вика вдруг сделала рваный вдох и прошептала вопросительно:

– Мама?

Я повернула к ней голову и увидела такой ужас, который плескался на дне глаз дочери, что у меня душа ушла в пятки. А что если от этого ей станет плохо? Что, если она получит сейчас настолько глубокую моральную травму, что она станет для неё шрамом на всю жизнь?

Хотя, что толку об этом спрашивать, если ответ очевиден?

– Викусь, мама говорит правду, но это не значит, что вы перестанете быть мне детьми! – с жаром заявил Тимофей, пока наша младшая дочь стала впиваться в моё колено пальцами.

Она делала это неосознанно, а я машинально потянулась к ней, прижала к себе крепче, чтобы поделиться ощущением материнского тепла и надёжности. Теми фундаментами

любой нормальной человеческой жизни, которые держат на плаву, что бы ни случилось.

– Мама? – снова шепнула Вика, и я обняла её так, что показалось, будто хрустнут косточки.

– Я узнала об этом сегодня, когда ко мне пришла женщина по имени Альбина, – произнесла безэмоционально, потому что мне нужно было держаться.

Ради детей, пусть я пока и не понимала, что чувствует и думает Кристина.

– Она попыталась проникнуть в наш дом, рассказала, что пять лет живёт с вашим отцом. Родила ему сына. И что она забирает вашего папу в обмен...

– Замолчи! Лена! Замолчи!

Тим заорал это не своим голосом. Он выпучил глаза и смотрел на меня, как будто я была сумасшедшей. На что он рассчитывал? Что я промолчу и не стану говорить о «родственных» связях с этой захватчицей?

– Не смей на меня кричать! – завопила я так, словно и впрямь была безумна.

Вика закрыла лицо ладонями и стала рыдать взахлёб. А Кристина побелела и только и сидела, кусая губы чуть ли не до крови.

– Это вы с моим папашей сотворили всё это! Вы вдвоём! А сейчас я должна засунуть язык себе поглубже и сделать всё так, чтобы вы не пострадали и выглядели чистенькими?

Муж бешено вращал глазами, глядя на меня с ненавистью.

Затем резко отпихнул от себя стол и поднялся. Из глотки Тима вырывалось надсадное тяжёлое дыхание.

Мы же с девочками сидели втроём, и сейчас казались особенно уязвимыми и слабыми. Но это было не так! Пусть ни папа, ни Васин даже не рассчитывают на то, что я сломаюсь! И позволю сломать своих детей!

– Мама... в обмен на кого забирает папу эта... женщина? – прошептала Кристина, взирая на меня остекленевшими глазами.

Я могла соврать ей. Им обеим. Не впутывать в это бабушку и дедушку девочек и действительно принять решение просто отпустить Тимофея и забыть обо всём, как о страшном сне.

Хотя бы попытаться это сделать...

Но я понимала: не выйдет. Ложь всегда порождает ложь. И рано или поздно я обнаружу себя завравшейся настолько, что стану смотреть в глаза своей матери и не понимать, где истина, а где блеф.

И нет – я себе такого не позволю.

– В обмен на вашего дедушку Алексея, Кристина, – удивительно спокойным голосом ответила я.

После чего добавила, глядя прямо в лицо изменщика, на котором проступили пятна:

– Потому что у него тоже была вторая семья. И Альбина – моя сестра, о которой я ничего не знала до сегодняшнего дня.

Я не ожидала, что когда-нибудь в моей жизни наступит тот момент, который принесёт настолько острый негатив в мою сторону от мужа. Теперь в его глазах полыхала не просто ненависть... Он буквально прожигал меня взглядом, словно я только что отняла у него едва ли не всё.

– Я ненавижу эту вашу взрослую жизнь! – истерично выкрикнула Кристина, которая держалась из последних сил. – Ненавижу вас всех!

Вскочив, она устремилась прочь из кухни, пока Вика вновь стала всхлипывать. Так жалобно и горько, что у меня разрывалось сердце каждое мгновение. Но я не жалела о том, что случилось... Не сокрушалась по поводу того, что была не сдержана.

– Довольна? – прошипел Тимофей, в глазах которого появилось ещё и мрачное удовлетворение.

Дескать, ну что? Нашлась тут мать года, издевающаяся над своими собственными детьми.

– Нет, Васин. Я не довольна. И не успокоюсь вплоть до момента, пока вы с моим отцом не расплатитесь передо мною за то, что натворили.

Ледяной тон, которым я произносила эти слова, давался мне легко и просто. Пусть Тим соберёт свои вещи и свалит, и вот тогда я позволю эмоциям взять над собой верх. Мы с девочками всё обсудим втроём, без этого отравляющего и пышущего миазмами лжи присутствия Тимофея. Который думал о себе в первую очередь, а потом уже о тех, кто должен

быть особенно дорог.

– Что ты имеешь в виду? – потребовал он ответа, сложив руки на груди.

По Вике, что тихо плакала рядом со мной, муж скользнул равнодушным взглядом. И я видела, что он словно бы опасается. Вот только бы понять, чего именно?

– Я подумаю об этом, когда останусь одна с детьми. Кажется, мы обсуждали тот факт, что ты сегодня собираешь вещи и уезжаешь к новой семье?

Васин продолжал сканировать меня взглядом, который, судя по всему, был призван уничтожить всех неугодных навечно. И хотя я понимала, что это невозможно, приятного от присутствия Тима и этих взоров было мало.

– Да, Лена, именно так я и поступлю, – наконец, проговорил он. – И знай, что сейчас ты совершила просто гигантскую ошибку!

Что под этим подразумевалось, бросаться и выяснять я не стала. Тем более, что и Тимофей выскочил из кухни, словно она превратилась в душную клетку.

Я же повернулась к дочери и предложила:

– Давай умоемся... И когда твой папа уедет, мы с тобой и Кристиной сядем и поговорим.

Вика кивнула и мы с ней отправились в ванную. Пока дочь умывалась, я чутко прислушивалась к тому, что происходило в квартире. И до меня доносились лишь звуки сборов Васина. Он нарочито шумел, даже выматерился пару раз.

Пусть выказывает своё раздражение сколько влезет! А потом забирает шмотки и валит ко всем чертям! Ведь то, что ещё утром казалось катастрофой, сейчас воспринималось чуть ли не благом.

Наконец он появился в прихожей. Тащил с собой чемодан и сумку, из которой аж торчало что-то, настолько сильно он её набил барахлом.

– За остальным приеду позже. И знай, Викуся, я хотел всё сделать иначе! Но твоя мама решила мстить через вас!

Я дёрнулась в сторону мужа, который, видимо, понял, что ещё пару слов – и ему несдобровать. Потому быстро обулся и, накинув куртку, выволок из квартиры вещи.

Мы с Викой остались вдвоём, при этом дочь вроде бы уже успокоилась, хотя я и понимала, что на осознание этой ситуации нам понадобится ещё очень много времени.

– Я пойду поговорить с Кристиной, – мягко сказала дочери. – Побудешь с нами? Или потом обсудим всё это вместе?

Она задумалась ненадолго, после чего решила:

– Поговори с ней сама...

И я поняла, что нервы Вики напряжены до предела. Продолжения она попросту не выдержит.

– Хорошо, родная, – ответила ей, крепко обняв. – Помни, что я тебя очень люблю и сделаю всё, чтобы ты и твоя сестра не пострадали.

Дочь вновь вжалась в меня со всей силой и на какое-то время мы застыли так, черпая успокоение друг в друге. А

после она отправилась на кухню, а я – к Кристине.

И за что мне всё это?

– Папа! Папа!

К Васину со всех ног бросился тот человечек, которого он безмерно любил, и Тимофей, подхватив сына, закружил его, насколько позволяло пространство холла.

А оно позволяло, ибо Альбина и Денис жили в весьма комфортных и хороших условиях.

– О, Тимми, – улыбнулась Аля, которая вышла из спальни следом за сыном. – Как хорошо, что теперь ты с нами.

Васин прижал к себе Альбину одной рукой, предварительно усадив Дениса на сгиб второй. Проклятая червоточинка сомнений, которые охватили его в тот момент, когда он покинул квартиру своей официальной семьи, стала исчезать.

Всё теперь правильно, а истерики Лены объяснимы и даже очевидны. Никто же не думал, что она просто проглотит горькую правду, словно пилюлю с цианидом?

– Да, теперь я с вами, – ответил он, отстранившись и опустив Дениса на пол. – Но уходил со спецэффектами, – нервно усмехнулся он. – Женушка устроила целый спектакль из нашего расставания. Даже успела смотаться к вашему отцу.

Он едва договорил это, как глаза Али загорелись каким-то лихорадочным блеском, и она потребовала ответа:

– Её мамаша, эта старая кошёлка, теперь тоже в курсе? Серьёзно?

Тимофей в последнее время стал замечать, что Альбина очень даже негативно настроена в сторону Лениной матери. По правде говоря, его это порядком удивляло – если уж Але так нужен был он, то какая разница, что там происходит у Алексея и Ларисы?

Но Альбина, словно одержимая, регулярно заговаривала о том, как желает испоганить жизнь маме Лены, при этом какого-то веского повода у неё для этого не имелось.

Лариса, если уж так посудить, была пострадавшей стороной, которая, ко всему, ещё и ни о чём не знала. Но Васин больше об этом не упоминал. Хватило ему одного раза, когда ляпнул, не подумав, дескать, Лариса Валентиновна не при чём, так что с неё и взятки гладки. Тогда Аля взбеленилась так сильно, что он с трудом узнал в фурии с искажившимися чертами лица ту нежную любимую женщину, которой Альбина для него являлась.

– Нет, кись, она не в курсе. И не думаю, что будет хорошей идеей ставить Ларису Валентиновну в известность, ты же знаешь.

Покосившись на Дениса, что переминался с ноги на ногу рядом, видимо, ожидая новой порции отцовского внимания, он опять притянул Альбину к себе. Глаза её теперь полыхали недовольством, которое могло в любой момент перерасти в нечто большее. Поэтому Васин поспешил заверить:

– Иначе нам это может дорого стоить... ты же всё знаешь и помнишь, родная.

Он поцеловал её в нос – оставил на нём лёгкое касание, пока Аля дула губы. Затем она вздохнула и отстранилась сама, высвобождаясь из его объятий.

– Я всё помню, – ответила, успокоившись. – Поиграй с Денисом, а я пока разберу твои вещи и приготовлю ужин.

Она не стала дожидаться ответа и направилась в спальню. Васин, подмигнув сыну, велел:

– Идём-ка с нами. Поможем маме управиться с делами.

Ему нравилось это чувство, которое рождалось внутри. Какой-то беззаботной лёгкости, которую Тимофей сам в себе и пестовал. Была, конечно, горечь, связанная с тем, что там, вдалеке, остались его дочери, которые сейчас наверняка думают об отце всякое дерьмо, а Лена их по данному пути всячески направляет. Но и сделать, по крайней мере, сейчас, Васин ничего не мог. Так что толку было изводиться?

А здесь, рядом с Денисом и Алей, он обычно чувствовал себя гораздо свободнее, чем в оковах порядком опостылевшей семейной жизни. Так что и хвататься за это ощущение Васин намеревался всем нутром.

Ну а дальше будет видно, как себя повести в отношении Кристины и Вики. По крайней мере, время на решение данного вопроса у Васина точно было.

Готовила Аля вполне сносно, а учитывая, что после не такого уж и плотного ужина в виде гамбургера, Тим весьма проголодался, с тарелки он всё буквально смёл.

Денис же вяло сидел и ковырялся в своей порции, и Васин

знал, чем это закончится. Когда трапеза завершится, Альбина просто заберёт у сына недоеденное и выбросит в мусорное ведро. И больше не получит Ден ничего до самого завтрака.

– Его спать пора укладывать, займешься? – спросила Аля, которая была какой-то задумчивой.

Когда доела, сделала то, чего Тимофей и ожидал, и стоило только львиной доле картофельного пюре и котлет улететь в помойку, как Васин поднялся и взял сына на руки.

– Займусь, – пообещал он Альбине и понес Дениса в сторону ванной умыться.

Наконец, ребёнок был уложен, хотя и не собирался спать, суть по тому, каким бодрым выглядел. А Тимофей, приняв душ, устроился на той постели, где ночевал довольно редко. И которая отныне будет его местом для сна.

Аля присоединилась к нему чуть позже. Она зашла в комнату, нанося на лицо крем, а когда увидела, что Васин уже в кровати, удовлетворённо ухмыльнулась.

– Массаж? Или сразу к делу? – предложила Альбина.

Тимофей мысленно вздохнул, но постарался ничем не показать того, что заниматься сексом сегодня ему совершенно не хотелось. Да и вообще считал, что это должно быть понятно без лишних слов.

Такие потрясения, которые выпали ему на долю сегодня, не каждый сдюжит.

– Давай сначала массаж, – милостиво согласился он, переворачиваясь на живот.

Собирался схитрить. Сделать вид, что наслаждается прикосновениями любимой, а в процессе заснуть. Хотя, это и хитростью-то было не обозвать. Он и впрямь дико желал просто отрубиться.

Однако Альбина могла обидеться, он это знал. Вот и приходилось буквально «вставлять спички в глаза».

– Мне всё покоя не даёт одна вещь, – призналась Аля, устраиваясь сверху него.

Вылив масло на спину Васина, она начала довольно умело разминать его тело, пока Тим мычал что-то нечленораздельное, давая понять ей, чтобы продолжала и говорить, и делать своё дело.

– Во-первых, делёжка вашей с женой квартиры. С этим нужно что-то решать, потому что Лена может подумать, будто мы всё ей оставим...

Васин напрягся, и даже сон как рукой сняло. Он уже пообещал жене, что из жилья их с дочками выселять не будет... Но Тим ведь справедливо полагал, что раз им с Алей и Денисом есть, где жить, этот вопрос решён сам по себе.

Пока подбирал слова, не зная, нужно ли сейчас заверять Альбину, что им лучше не спешить с этим вопросом и обдумать, не стоит ли оставить всё, как есть, любовница продолжила его шокировать:

– И второе... Я хочу от тебя ещё одного ребёнка, Тимми. И чем скорее – тем лучше.

Самое время было притвориться мёртвым опоссумом, но

Васин понимал: он напрягся так отчётливо, что не заметить этого Аля не могла.

– Ребёнка? – чуть приподнявшись, спросил он тупо, не понимая, зачем ему ещё один карапуз?

У него всё сложилось в голове и жизни. Были две дочери, которых он любил, а так же долгожданный сын. О нём Тимофей действительно мечтал, и вот Альбина эту мечту в жизнь воплотила. Так для чего ещё кого-то рожать, если и этих-то на ноги поднять – задача не из лёгких?

– Да. Ребёнка. Девочку. Ты же знаешь, что я хочу передать свою красоту дочери.

Аля перестала делать массаж и просто устроилась рядом на постели, и Васин перевернулся на спину. О том, что Альбина желает что-то там кому-то передать, он слышал впервые. Нет, она, конечно, заводила разговор о том, что именно дочери наследуют физические данные матерей, но Тим слушал вполуха.

– Аль, ты должна понимать, что сейчас я стану проходить через сложный период. Развод, всякие нюансы, которые будут с ним связаны. Какой ребёнок прямо здесь и сейчас?

Васин уже видел, что Альбина становится недовольной. За то время, что они были вместе, успел изучить простую вещь: если Аля что-то вбила себе в голову, она станет этого добиваться всеми правдами и неправдами. К этому, пожалуй, стоило привыкнуть, хотя Тимофей всё ещё пытался противодействовать. Но уж слишком по-разному вели себя

сёстры...

– Не здесь и сейчас, а через девять месяцев, – отрезала она и снова его оседлала.

Только теперь воспользовалась позой Васина и принялась стаскивать с него трусы. И Тим почувствовал себя человеком, которого сейчас возьмут силой.

– За это время успеешь и развестись, и квартиру поделить.

Васин машинально схватил любовницу за запястье, когда она потянулась к причинному месту. Произнёс жёстко:

– Не сегодня, Аля!

Его стало раздражать, как вела себя Альбина. И тот факт, что она настойчиво продолжала говорить и говорить о разделе квартиры, которая принадлежала ему и Лене, Тимофею совершенно не нравился. Но сейчас так не хотелось всё это обсуждать и, возможно, даже ругаться. Васин желал лишь лечь и спать, спать, спать...

– Хорошо-хорошо, – вскинула она ладони и прилегла рядом. – Но помни о том, что я тебе сказала, Тимми.

Аля в одночасье провалилась в сон, как это умела делать только она. Просто прикрыла глаза и стала дышать мерно и глубоко, а Тимофей, натянув одеяло до подбородка, отключил ночник и какое-то время полежал, глядя в потолок.

Ни о каких новых детях не может быть и речи. Ни сейчас, ни в обозримом будущем.

И вообще, завтра они поговорят с Алей о том, что если теперь у них полноценная семейная жизнь, идти она будет

по правилам Васина.

На этом он успокоился и попытался заснуть. Однако сон не шёл, как Тимофей ни старался провалиться в небытие.

Странно...

На встречу с подругой, с которой мы не виделись несколько недель, я выбралась вопреки своему желанию отсидеться дома, где мы бы с девочками просто заказали пиццу и каждый бы занялся своими делами.

Кристина немного оттаяла, хотя на мою попытку вновь попытаться с нею поговорить, отреагировала весьма жёстко. Пока я не стала разводить полемику по вопросам нашего с Тимофеем разлада, но понимала, что рано или поздно мы сядем и всё обсудим.

А пока давала возможность дочерям пережить это по-своему, но показывала им, что я в любом случае рядом.

– Ты меня просто убила! – заявила Дарина, когда мы встретились в небольшом ресторанчике неподалёку от моего дома. – И я уже нашла тебе адвоката! Даже назначила встречу.

Я и сама без дела не сидела, и за те сутки, что прошли с момента отбытия из дома Васина, связалась со знакомым юристом. Но два мозга в таком деле явно будут лучше, чем одна.

– У меня в голове не укладывается никак... Тимофей такое натворил... И твой папа...

Она поджала губы, быстро пробежала взглядом по меню и, когда мы сделали заказ на пару чашек кофе, проговорила: – Я считаю, что тебе нужно всё рассказать матери. Она и только она должна принимать решение о том, сможет ли жить с изменщиком.

Дарина подняла ту тему, которая была для меня особенно острой. За последние несколько часов я регулярно возвращалась к ней мысленно, и даже пару раз просыпалась ночью, потому что меня буквально корежило от того, как поступал с мамой мой отец.

– Я тоже так думаю, Дарин... – откликнулась в ответ. – Наверное, прямо сегодня и поеду.

Сказав это, я поняла, что, с одной стороны, говорю совершенно правильные вещи, с другой – меня словно окунает в водоворот таких эмоций, что я бы дорого заплатила за то, чтобы их никогда не испытывать.

– Вот это правильно! – похвалила подруга. – И не надо делать так, как будет удобно кому-то. Эти двое обделались по полной программе, а хотят выехать теперь за ваш счёт! Но ничего, мы им покажем!

Дарина начала духариться, как это частенько с ней бывало, и я невольно улыбнулась. Конечно, «показывать» придётся в первую очередь мне, а уж потом всем остальным, но я готова и справлюсь.

– Ты говорила, что у тебя есть контакты, где мне могут дать новую подработку, – переключила я тему разговора на

то, что было насущным.

Понимала, что алиментов от Тима я вообще могу не дожидаться, а пока суд да дело, надо что-то есть и во что-то одеваться. Поэтому планировала немного задвинуть домашние дела и больше времени уделять доходам.

– Да, записывай номер! – велела мне Дарина.

И я послушно забила в мобильник контакт будущего работодателя.

К родителям я решила ехать сразу же по окончании встречи с подругой. Понимала, что если поддамся рефлексии, то непременно начну изводиться бесконечными вопросами, которые ни к чему хорошему, кроме потери времени, не приводят.

Поэтому через полчаса звонила в дверь родительской квартиры, мысленно заготовив несколько фраз, которыми планировала преподнести матери горькую правду.

Однако стоило только папе открыть мне, я поняла, что случилось нечто из ряда вон выходящее. Отец был бледным до какого-то фиолетового оттенка, так что я тут же заподозрила самое худшее.

– Мама! – вскрикнула, ворвавшись в квартиру.

И когда услышала её весёлый, полный какого-то задора голос, выдохнула.

Но стоило мне появиться на кухне, шок сковал мои руки и ноги... Потому что от увиденной картины ничего иного испытать было невозможно.

За накрытым столом сидела и улыбалась, абсолютно довольная собой, Альбина.

– Добрый вечер, – поздоровалась она со мной и покосилась на отца.

Что здесь делала эта белобрысая тварь?

Прежде, чем я бы успела отреагировать на присутствие любовницы мужа, мама вскочила из-за стола и бросилась ко мне. Обняла, прижала к себе крепко-крепко и шепнула на ухо:

– Доверься мне... И молчи...

Она всё знала... Она знала о том, что Альбина является моей сестрой! Господи, за что мне всё это? Сколько ещё чужих секретов и непонятных действий родных людей коснутся моей судьбы и изменят её навсегда?

– Привет, моя хорошая, – запоздало поздоровалась мама со мной, отстранившись. – А у нас в гостях Алечка! Она бывшая коллега твоего папы. Зашла сегодня, чтобы проведать его! – объявила мама таким голосом, судя по которому невозможно было заподозрить что-то не то.

Она действительно будто бы верила той сказке, которую ей скормила Альбина. Но почему так называемая «сестра» не обрушила маме на голову ту жуткую правду, которую я до сих пор толком не переварила? Каких целей она добивалась?

– Ты выпьешь с нами чаю? – спросила мама и принялась хлопотать, пока мы с Альбиной обменивались уничижительными взглядами.

В моих глазах сквозило немое обещание разобраться во всём уже сегодня, во взоре «Алечки» полыхала ничем не прикрытая ненависть.

– Лариса Валентиновна, я, пожалуй, пойду. У вас просто потрясающий кофе, – томно проговорила Альбина, поднимаясь с места.

Она то ли сделала вид, что осматривается, то ли и впрямь что-то искала, пока я стояла, ни жива, ни мертва, а в голове моей проносились один за другим вопросы: как это произошло? Как вообще мама допустила подобное?

– Алексей Юрьевич к нам так и не вернулся, – посетовала Альбина по прошествии времени. – Пойду попрошу его меня проводить.

Она удалилась прочь из кухни, одарив меня напоследок ещё одним взглядом, полным злобы и даже отвращения, а мы с мамой остались.

– Тч-ш-ш! – приложила она палец к губам, потерянно опустившись на стул.

Вся фигура матери словно бы сдулась, стала незаметной и поблёкла. Как будто до сего момента была наполнена кислородом, и вот он исчез, вытек, растворился...

– Я ничего не понимаю... – призналась шёпотом, тоже буквально падая напротив.

Наши глаза встретились, и я увидела такую боль, которую мама тщательно скрывала, что меня ею словно обожгло.

– Зато понимаю я! – заверила она тихо. – Мы сейчас долж-

ны сосредоточиться на том, чтобы твой отец всё переписал на тебя! Я уже работаю в этом направлении, Лена. Ей, – она кивнула в сторону прихожей, откуда доносились приглушённые голоса, – вообще ничего не должно достаться!

Мама хоть и говорила шёпотом, всё же опасалась, что нас услышат. Потому приложила палец к губам и покачала головой.

А я сидела, продолжая осознавать то, что сейчас произошло и что запланировала мама, и у меня попросту слов не находилось. Вообще никаких. Только бесконечные вопросы, на которые я пока не могла получить ответов. Как давно она знает? Откуда? Станет ли для неё новостью тот факт, что Альбина является любовницей моего мужа? Мама в курсе исключительно того, что у отца была вторая семья, или же погружена во всю правду?

– Проводил? – уточнила она, когда папа вернулся на кухню.

Вновь подскочила и приняла тот вид, с которым привечала у нас дома Алю.

– Такая девочка хорошая... заботливая!

Она всплеснула руками, делая вид, что не замечает выражение отцовского лица. Оно до сих пор было такое, что краше только в гроб кладут. Папа действительно очень опасался того момента, когда грязная правда вылезет наружу.

– Проводил, – обронил он глухо. – А сейчас в душ схожу и спать ложиться стану...

Мама рассеянно кивнула, начиная прибирать со стола. Вся эта ситуация соткала вокруг нас настолько непривычные пластмассовые декорации, что меня стало подташнивать от мерзости. Но я ждала, пока отец уйдёт в ванную, потому что нам нужно было многое обсудить с мамой.

– Хорошо, Алёша. Иди...

Раньше бы она непременно бросилась ему на помощь, ведь отец вроде как чувствовал недомогание. Но сейчас просто проводила взглядом, когда будто бы смотрела, но ничего толком не видела. И когда он ушёл, а следом в душе включилась вода, чуть ли не рухнула напротив меня и заговорила с жаром:

– Послушай меня, Лена, и сделай так, как я говорю. Я болею, сколько мне осталось – не знает никто. Может, год, может пятьдесят лет... Но сейчас не в этом суть. Нам нужно сделать так, чтобы отец переписал на тебя всё имущество, которое у нас с ним имеется в наличии. А потом, когда я его прижму и он узнает, что я в курсе его... грехов...

Мама сглотнула и по лицу её прошла судорога, как будто бы от боли. Я сжала руки в кулаки. Хоть и была растеряна и ошарашена, сейчас мне хотелось лишь рвать и метать.

– Так вот... когда я его прижму, он перепишет на тебя и квартиру, которую купил за моей спиной для Альбины и её матери. Или я буду не я, клянусь!

Он купил квартиру... Квартиру за спиной мамы! Но как это возможно?

– Я, собственно, из-за неё обо всём и узнала, когда мы подумывали нашу разменять и уехать жить к морю. Точнее, я это предложила, а Алёша прямо в позу встал – нет и всё. Видимо, боялся, что если начнутся какие-то истории с продажей недвижимости, вылезет то, что он владеет ещё одной квартирой.

Я помотала головой, как будто это могло избавить меня от сюрреализма, в который стремительно превращалась моя жизнь.

– Но как он её купил, если нужно было твоё согласие? – прохрипела, не в силах уложить в голове весь масштаб папиной лжи.

Даже если подумать о том, что он столько времени жил двойной жизнью с посещением второй семьи, где праздновал дни рождения дочери, наверняка привозил ей подарки на Новый год и занимался прочими «милыми» житейскими историями, и то становилось нехорошо. А квартира выводила это враньё на совершенно новый уровень.

Надо будет и мне при помощи адвоката прошерстить список недвижимости, принадлежащей Васину. Мало ли что интересного меня там ждёт?

– Там была какая-то афера с дарственными и прочим. Я не особо вникала, для меня самое главное, что квартира есть и она записана на Алексея. И я его обязательно подведу к тому, чтобы она принадлежала тебе. Но для начала мы оформим на твоё имя всё, что нам принадлежит. Поэтому я и делаю

вид, что ничего не знаю.

Она очень горестно вздохнула, и я только теперь заметила, какой уставшей и измотанной выглядит мама. Но она была полна уверенности в своих действиях. А я, хоть пока и не переварила всё до конца, понимала, что должна быть сильной. Моя хрупкая и уже немолодая мать тащила на своих плечах огромный груз свалившейся нам на головы беды. Тащила в одиночку, решив, что она сдюжит.

Возможно, это и стало причиной того, что её болезнь дебютировала именно сейчас?

Однако нас двое. И я должна быть в разы сильнее, потому что молода и полна уверенности в том, что смогу перевернуть свою жизнь. Ради дочерей, ради самой себя, ради мамы.

– Кстати, а ты откуда узнала? – торопливо спросила у меня она, когда в ванной затихла вода.

Возможно, мне стоило промолчать и ответить что-то расплывчатое. Но смысла в этом я уже не видела.

– Она пришла ко мне сама и объявила, что является моей сестрой... И по совместительству – любовницей Тимофея. У них сын, мама...

Едва я договорила, как мама побелела, а глаза её стали круглыми, как две огромные плоскости. Показалось даже, что сейчас она получит инфаркт, настолько жуткое выражение появилось на лице матери.

– Мама... всё в порядке! Со мной и девочками всё хорошо!

Я вскочила и бросилась к ней, обняла крепко-крепко. А она вцепилась в меня, как в соломинку, которую протянули утопающему, и которая вот-вот должна была превратиться в спасательный круг.

– Он ушёл, но я считаю, что это к лучшему. Теперь у меня новая жизнь. Без лжеца...

Мы так и застыли, две стороны того страшного слова, которое, как думали раньше, никогда с нами не произойдёт.

Измена.

И не просто предательство, а особо извращённое, облачённое в коварство под видом любви.

Когда отец вышел из ванной, мы отпрянули друг от друга, чтобы он, не дай бог, не сделал каких-то выводов. Меня это бесило просто невероятно. Вместо головной боли, которую должен был получить тот человек, который заслужил её на все сто, я вынуждена была делать вид, что пока согласна на его требования.

– Лёшик, я тут Леночке говорила, что Алечка вроде как намекала на то, что обязательно зайдёт ещё. Может, нам стол накрыть в следующий раз, да позвать всех? Лену, Тимошку, девочек? Мы так редко теперь устраиваем посиделки как раньше, – проговорила мама, тоже поднявшись и продолжив уборку.

Она откровенно троллила отца, что чуть не вызвало у меня ухмылку. Потому что папа вновь спал с лица, видимо, представив всё это сборище.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.